

Поворот-2008

Со сменой президента нас ждут ухабы и развилки, но это лучше, чем катиться в пропасть по гладкой дороге

2008-01-14 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

При оценке деятельности уходящего президента, как и любого правителя, мы должны стремиться избавиться от сохраняющихся в нашем сознании рудиментов архаического мышления древних или примитивных народов, приписывавших хорошие урожаи добродетели или сексуальной мощи своих царьков, а нашествие саранчи – их грехам или ослаблению этой мощи. Нам надо попытаться различать, что действительно было результатом деятельности Путина и определялось особенностями его личности – и что просто произошло при нем, но произошло бы и при любом другом правителе.

На эскалаторе

Так, при Путине произошел значительный рост российской экономики. Но ясно, что после падения, порожденного переходом к новой системе социально-экономических отношений и необходимостью приспособления к новым условиям, экономический подъем был неизбежен. Аналогичные подъемы произошли во всех посткоммунистических странах, даже там, где нет своих нефти и газа. А если уж они есть и происходит резкий рост мировых цен на энергоносители, подъем просто не может не быть очень большим: в Казахстане и Азербайджане он еще больше, чем у нас, и это также не следствие достоинств Назарбаева и Алиева, как наш подъем – не следствие достоинств Путина. Даже трудно представить себе, что должен был в этих условиях сделать правитель, чтобы подъема не было.

Как экономический подъем не «заслуга» Путина, так не его «заслуга» и усиление режима безальтернативной президентской власти. Общество, которое провозгласило демократию, но жить при ней не сумело, само толкает своих правителей к построению «имитационно-демократического» режима, оно мечтает, чтобы его кто-нибудь «стабилизировал» и дал ему «властную вертикаль». В этой ситуации от преемника Ельцина никаких больших усилий и выдающихся качеств для создания этой «властной вертикали» не требовалось. Когда в свое время изнемогшая от «смутного времени» Россия жаждала покоя и порядка, стабилизация наступила при гротескно слабом монархе Михаиле Федоровиче.

Путин – совсем не слабый и скудоумный Михаил Федорович, но он как бы находился на эскалаторе, который вез его сам. Как аналогичные эскалаторы везут Назарбаева, Лукашенко, Каримова, Рахмона и везли Шеварднадзе, Акаева, Кучму. И этот эскалатор так же вез бы любого ельцинского преемника, и вез бы самого Ельцина, будь он покрепче здоровьем и не уйди со своего поста.

Конечно, что-то при другом преемнике Ельцина, например, при забытом сейчас, но едва не ставшем нашим президентом Аксененко, было бы иначе.

Может быть, Ходорковский процветал бы, а сидел бы какой-то другой олигарх (Березовского, я думаю, убрал бы любой президент, его уже и Ельцин хотел убрать). Другой президент окружил бы себя иными людьми – скажем, при железнодорожнике и сибиряке Аксененко было бы больше железнодорожников и сибиряков. При нем появились бы другие миллиардеры. Но все это различия, значение которых для конкретных лиц громадно, однако для страны в целом не очень велико или совершенно неясно.

При Путине Россия стала более жестко противостоять Западу. Но и здесь «заслуга» Путина сомнительна. Если развитие нашего режима дошло до такой стадии, когда его отличия от западных стали очевидны, если одновременно зависимость от иностранных заимствований прекратилась и нефтедолларов куры не клюют, то как же Россия может не «встать с колен» и не начать противостоять Западу?

След личности

Путин добился народной любви. Но если мы «вычтем» из этой любви, во-первых, «монархическую» любовь к безальтернативному президенту как таковому, не зависящую от его качеств, а во-вторых, любовь к президенту, при котором жить стало лучше и жизнь вернулась в привычное русло, что опять-таки произошло бы в нашей ситуации при любом правителе, – что у нас останется? Может быть, что-то, что связано именно с его личностью, и останется, но явно не много. Ясно, что, назначив Ельцин в свое время в преемники Аксененко, народ полюбил бы его примерно так же, экономический подъем и стабилизацию режима связывали бы с его руководством («план Аксененко»), а политологи писали бы о «феномене Аксененко».

Мы можем долго искать след личности Путина – и или вообще не обнаруживаем его, а находим случайное совпадение каких-то закономерных процессов с тем, что они развивались именно при президенте по фамилии Путин, или обнаруживаем, но значение его не велико и не определено. Роль личностей Горбачева и Ельцина в нашей истории неизмеримо больше.

Эта неопределенность роли личности Путина почти не связана с качествами его личности. Просто Путин стал президентом в ситуации, когда развитие страны уже определилось и степень свободы правителя и других «действующих лиц» сузилась. Страна, как и индивид, проходит в своей истории (биографии) через ситуации, в которых – большой веер возможных исходов (и тогда личные и случайные факторы имеют громадное значение), и через ситуации прочные, изменить которые практически невозможно.

Например, в биографии индивида выбор профессии – всегда ситуация с большим веером возможностей, и тот же Путин, несомненно, мог в юности не пойти на работу в КГБ, и его жизнь сложилась бы иначе. Но если ты уже совершил выбор и получил определенную профессию, переиграть это требует колоссальных усилий, а иногда, как с профессией работника КГБ, уже просто невозможно. Так же и со странами. В конце советской эпохи ситуация была нестабильная, с возможностью самых разных исходов, зависящих и от личных особенностей и решений действующих лиц, и от совершенно случайных факторов. Представим себе на минуту, как

изменился бы ход истории, если бы упавший при неясных обстоятельствах с моста в воду Ельцин получил воспаление легких и умер. Но после 1991 года диапазон возможностей неуклонно сужался. Ко времени Путина он был уже очень узким. Мы двигались по пути, который как бы сам вел нас вперед и свернуть с которого было практически невозможно.

Я думаю, что есть только одно действие Путина, которое, несомненно, является его свободным решением, обусловленным какими-то сугубо личными чертами и мотивами, и так же несомненно имеет исключительно важное значение для будущего страны. Это его решение уйти с поста президента в соответствии с Конституцией и стать премьером.

Это нестандартное решение, идущее вразрез и с логикой развития нашей системы, и с «архетипами» нашего сознания, во-первых, уже само по себе вносит в нашу жизнь важные и необратимые изменения, а во-вторых, создает нестабильную ситуацию с возможностью разных исходов.

В сохраняющем глубоко архаичные черты русском политическом сознании, сформированном эпохой самодержавия, правитель – один, его власть – нераздельна, и она – на всю жизнь. В эпоху самодержавия был только один путь избавиться от царя – убить его, что и делалось неоднократно, ибо «царь в отставке» – противоречие в терминах. В более «цивилизованные» времена свергнутым правителям могли оставить жизнь, но только ценой изоляции от общества, отнятием у них «политической жизни» (Хрущев, отчасти Горбачев). И как царя нельзя было отправить в отставку, так и он сам не мог уйти с царства (отсюда – красивая легенда о мнимой смерти и уходе в странники Александра I). Живой и свободно разгуливающий «бывший царь» невозможен, ибо он унес бы с собой часть «священного трепета», связанного с царской должностью, и этим ослаблял бы и «десакрализовал» власть преемника. Он не только мешал бы преемнику спокойно править, но мешал бы всем, разрушая нормальный «образ власти» и внося сумятицу в народные чувства. Пока что единственный случай добровольного ухода правителя – это уход Ельцина, но он не создавал прецедента, ибо был явно по здоровью и явно окончательный, «на пенсию». Уход Путина – первый случай добровольного ухода правителя не «на пенсию». Это уже – удар по архаическим основаниям нашего политического сознания, по нашему «образу власти». Но за этим ударом должны последовать другие.

Призрак двоевластия

Из всех возможных форм своего ухода с поста президента Путин избрал самую странную – переход в премьеры без перераспределения полномочий. Идея путинского премьерства возникла, очевидно, из желания сделать процесс передачи власти максимально гладким, усилить преемственность из страха дестабилизации, который принимает в нашем обществе и у наших властей несколько маниакальный характер. Между тем, как это часто бывает, невротическое стремление избежать какой-то опасности приводит к действиям, которые как раз эту опасность и создают. Если представить себе, что Путин просто куда-то исчезает (покупает остров в Эгейском море и полностью там изолируется, наслаждаясь жизнью на сделанные сбережения), его уход, конечно, все равно был бы ударом по нашему сознанию и нашей политической системе, но стабильности и

преемственности было бы куда больше. Его бы в конце концов забыли, а любовь и «священный трепет» перенесли бы на преемника. Но премьер Путин – это что-то вроде реального разделения властей, которое у нас называется страшным словом «двоевластие».

Решение Путина стать премьером (если только это серьезное решение, а не такое, которое будет переиграно сразу после выборов) порождает нестабильную и неудобную ситуацию. Не может быть сомнений, что Путин и Медведев прекрасно друг к другу относятся и доверяют друг другу. Но все равно ситуация «Медведев – президент, Путин – премьер» будет создавать для них множество неприятных и неудобных моментов. (Уже возникла шутка: «Будет ли на столе премьера Путина стоять портрет президента Медведева?») Но она неудобна и болезненна и для русского массового сознания, которое будет стремиться избавиться от раздражающей его ситуации «частичного царя» или «двух царей» (если есть два царя, то один из них – «ненастоящий», самозванец). Потребности нашего сознания будут расшатывать созданную решением Путина неустойчивую конструкцию, расширяя любую крохотную трещину в отношениях Путина и Медведева и подталкивая их к восстановлению «нормальной» власти. Уже сейчас, как мне представляется, проявились две противоположные тенденции как-то разрешить эту ситуацию.

Одна – это идея провозглашения Путина «национальным лидером», то есть фактически низведения Медведева до роли «пешки» и временной фигуры, отделения верховной власти от должности и превращения ее в чисто персональную. Это естественная реакция сознания нашей чиновничьей, да и народной массы на новую и неудобную ситуацию. Но здесь опять-таки стремление избежать одной болезненной ситуации приводит к другой, еще более болезненной. Мы не Латинская Америка с ее сломленной в борьбе за независимость монархической традицией и возникшей традицией неформальной власти «сильных людей», атаманов-каудильо. У нас и власть, и народная любовь слишком связаны с «царским местом». Разорвать эту связь еще труднее, чем пережить медведевско-путинское «двоевластие».

Другая – это вряд ли случайно именно сейчас начавшие тиражироваться слухи о путинских 40 миллиардах. Объективно здесь – подготовка почвы для того, чтобы та же масса, которая только что восторгалась Путиным, бросилась топтать его («мы же не знали!»), а преемник получил возможность избавиться от мешающего ему предшественника. Это значительно более традиционный и привычный для нас вариант решения проблемы, но и его трудность и болезненность очевидны.

* * *

Никто не может сказать, как в конечном счете разрешится складывающаяся сейчас ситуация. Это зависит от тысячи факторов, которые определить и учесть невозможно, включая и принципиально не предугадываемые свободные решения действующих лиц разворачивающейся драмы (как принципиально непредсказуемо было историческое решение Путина). Но как бы она ни разрешилась, какое-то время нам придется жить в непривычной и неудобной ситуации неполной и разделенной власти.

Разумеется, все это еще очень далеко от демократии, которую провозгласил в 1991 году союз наивных людей и прохвостов. Но для того чтобы у нас стала возможной демократия, чтобы мы научились сами выбирать власть, нужны очень глубокие изменения в сознании. Нужна «десакрализация» власти, разрушение сидящей глубоко в нашем сознании архаически-монархической схемы безраздельной и кончающейся лишь со смертью правителя власти. Опыт XX века ослабил эту схему, но она была достаточно сильна, чтобы каждый раз при сломе государственной системы вновь выходить на поверхность и подчинять своей логике противоречащие ей новые формальные институты, превращая и идею советской власти, и устав партии, и демократическую Конституцию в фасады, камуфлирующие все то же самодержавие. Эта архаическая схема противоречит требованиям современного мира, мы в какой-то мере сознаем ее ущербность и стараемся от нее избавиться, но это настолько трудно, что каждый раз мы снова возвращаемся к ней, как продержавшийся какое-то время алкоголик возвращается к рюмке. Избавиться от глубоко укорененных, ставших уже характером привычек вообще без страданий невозможно. Поэтому неудобство, болезненность, даже неестественность той ситуации, в которую Путин ставит нас своими бог весть чем продиктованными решениями, – это полезная для нас болезненность, которая облегчит нам следующую неизбежную попытку выйти из порочного круга коротких «спазмов» переходящей в анархию свободы и длительных периодов авторитарной стабильности, готовящих новый «спазм». В 2008 году мы сворачиваем с удобного и гладкого пути на какую-то странную ухабистую проселочную дорогу, где много непонятно куда ведущих развилки. Ехать будет трудно, но это лучше, чем без напряжения катиться в пропасть.